

принимает участие в судьбе поэта и даже на нее влияет:

Ты легким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.

Вся первая часть элегии (до 9-й строфы) посвящена развенчанию обидного представления о счастье. Очевидно, что незавершенность, недосказанность этой части элегии, резкий поворот от невозможного и выстраданного к спасительному и осуществимому является переломным элементом композиции. Разочарование и боль звучат в стихах о прежнем обманувшем идеале счастья:

Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,
Его лишь взвидел взор, сияньем ослепленный...

Это «счастье»-молнию принесла поэту поэтическая слава, признание в литературном мире, то, к чему он шел долгим, трудным, полным сомнений и разочарований путем. В 1815 г., в 23 года, он спрашивает Жуковского:

Умножить ли, скажи, мне авторов число?
Иль, взявшись за ум, оставить ремесло?

Вяземский был строг и болезненно критичен к себе: «Мой скудный дар меня еще не ослепляет». В начале 1816 г. в стихотворении «К перу моему» (подражание VII сатире Буало) признается, но уже полшутливо и без боли:

Язык мой не всегда бывает непорочным,
Вкус верным, чистым слог и выраженье точным.

И все же вера в поэтическое призвание, убежденность в правильности сделанного выбора берут верх: «Но наш разрыв с тобой, перо мое, напрасен, природа победит».

Прошли немногие месяцы, и эта вера оказалась освящена самым высоким, в глазах Вяземского, литературным авторитетом — Карамзиным. И это принесло поэту ощущение счастья, ощущение, оказавшееся сильным, но недолгим. Для Вяземского представление о счастье шире, глубже. Слава — последний, завершающий, результативный, но не главный компонент счастья. Тождественность понятий «слава» и «счастье» немыслима для Вяземского:

Не оправдала ты честолюбивых снов,
О, слава, ты надежд моих отвергла клятву,
Когда я уповал пожать бессмертья жатву
И яркою браздой прорезать мглу веков...

В 1819 г. Вяземский относился к результатам своего поэтического труда лишь немногим менее скептически, чем прежде, и, конечно, не с ними связывал надежду «пожать бессмертья жатву и яркою браздой прорезать мглу веков». Это иная слава — слава борца за свободу и справедливость. Это она

Не вотще мне голос подала,
Она вдохнула мне свободную отвагу,
Святую ненависть к бесчестному зажгла
И чистую любовь к изящному и благу.

Но эволюция лирического героя «Уныния» этим не завершается. Слава, подарившая когда-то ощущение счастья, забыта. Поэт равнодушен к ней и ценит лишь оставленные ею «свободную отвагу», «святую ненависть к бесчестному» и «чистую любовь к изящному и благу». Не помышляя о славе, убежденно и бескорыстно он произносит клятву: «тирану быть врагом и жертве верным другом» не перед членами кружка заговорщиков — «перед алтарем души». Не веря в возможность подвига революционного,